

Скипина И. В. Трансформация идентичности как фактор перелома в ходе Гражданской войны (весна — лето 1919 года) в оценке современных исследователей / И. В. Скипина, В. В. Московкин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 447—466. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-447-466.

Skipina, I. V., Moskovkin, V. V. (2023). Identity Transformation as a Turning Point during Civil War (Spring — Summer 1919) in Assessment of Modern Researchers. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 447-466. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-447-466. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-447-466

**Трансформация
идентичности как фактор
перелома в ходе
Гражданской войны
(весна — лето 1919 года)
в оценке современных
исследователей**

Скипина Ирина Васильевна

orcid.org/0000-0001-7061-1403

доктор исторических наук, профессор
кафедры документоведения
и документационного
обеспечения управления
i.v.skipina@utmn.ru

Московкин Владимир Васильевич

orcid.org/0000-0001-8115-1975

доктор исторических наук,
научный сотрудник
Сетевого исследовательского центра
«Человек, природа, технологии»
v.v.moskovkin@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Россия, Тюмень)

**Identity Transformation
as a Turning Point
during Civil War
(Spring — Summer 1919)
in Assessment
of Modern Researchers**

Irina V. Skipina

orcid.org/0000-0001-7061-1403

Doctor of History, Professor,
Department of Documentation and
Documentation Support of Management
i.v.skipina@utmn.ru

Vladimir V. Moskovkin

orcid.org/0000-0001-8115-1975

Doctor of History,
Researcher,
Network Research Center
“Man, nature, technology”
v.v.moskovkin@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена историографии вопроса о трансформации идентичности в ходе Гражданской войны в России. Цель — выявить особенности освещения исследователями самоопределения граждан в период весны — лета 1919 года на основе концепции исторической памяти и концепта идентичности. Авторы пришли к заключению: данный период явился переломным этапом Гражданской войны, который был обусловлен успехами Красной армии, поражением Колчака на Урале и заметным смещением общественных настроений в пользу советской власти. Как отмечают историки, война, на фоне милитаризации и раскола российского социума, усилила процессы самоопределения, став средством достижения относительной идентичности социума, способным обеспечить победу стороне, имеющей цели, понятные и близкие населению. Отмечено, что образ дореволюционного прошлого, сохранившийся в исторической памяти, сыграл определяющую роль в самоидентификации населения. Люди хотели изменений к лучшему. Большевики активно пропагандировали идеи интернационализма, равенства, строительства нового мира и закономерно одержали победу. Сегодня ученые на основе изучения рефлексий человека, идентификационных процессов, сопровождающих трансформационные сдвиги, происходившие в годы Гражданской войны в России, значительно продвинулись в изучении революционных изменений в обществе и их воздействия на дальнейшее развитие страны.

Ключевые слова:

историография; антропологический подход; идентичность; самоопределение; Гражданская война.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the historiography of the history of identity transformation during the Civil War in Russia. The purpose of the study is seen in the researchers' coverage of self-determination of citizens during the spring — summer of 1919 based on the concept of historical memory and the concept of identity. The authors came to the conclusion that this period was a turning point in the Civil War, which was due to the success of the Red Army, the defeat of Kolchak in the Urals and a noticeable shift in public sentiment in favor of the Soviet government. As historians note, against the backdrop of militarization and the split of Russian society, the war intensified the processes of self-determination, becoming a means of achieving a relative identity of society, capable of ensuring victory for the side that has goals that are understandable and close to the population. It is noted that the image of the pre-revolutionary past, preserved in historical memory, played a decisive role in the self-identification of the population. It is noted that the image of the pre-revolutionary past, preserved in historical memory, played a decisive role in the self-identification of the population. Today, scientists, based on the study of human reflections, identification processes that accompany the transformational shifts that took place during the years of the Civil War in Russia, have made significant progress in studying revolutionary changes in society and their impact on the further development of the country.

Key words:

historiography; anthropological approach; identity; self-determination; Civil War.

УДК 94(47).084.3+94(470.53)“1919”+930(47)“20”

Трансформация идентичности как фактор перелома в ходе Гражданской войны (весна — лето 1919 года) в оценке современных исследователей

© Скипина И. В., Московкин В. В., 2023

1. Введение = Introduction

Современная историография, как и историческая наука в целом, характеризуется совершенствованием концептуального подхода в изучении истории Гражданской войны в России. Авторы отмечают обновление научных методик, расширение исследовательских полей, углубление анализа антропологической стороны конфликта, актуализацию изучения исторической памяти о войне. Остро ставятся и вопросы идентичности человека с общественной средой, во многом определяющей его социальное поведение. При этом Гражданская война рассматривается как проявление конфликтов идентичностей, вылившихся в крайние формы вооруженного противостояния.

Цель статьи — установить, насколько включение в теоретико-методологическую основу современных исследований такого фактора, как идентичность в классическом ее толковании, данном Э. Эриксоном, оправдано для объяснения ситуации, сложившейся на Урале весной — летом 1919 года, завершившейся наступлением Красной Армии и изгнанием Колчака. Авторы данной статьи исходят из того, что анализ социальной стороны идентичности следует проводить «с учетом личностной непротиворечивости, возникающей вследствие индивидуальной и ролевой адаптации в социальных группах; ведущих образов и идеологий времени; индивидуальной истории жизни и определенного исторического момента, в котором данный человек родился и живет» [Эриксон, 2008, с. 74].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретико-методологической основой статьи является антропологический подход, обусловивший дальнейшее развитие концепции исторической памяти [Историческая память..., 2018], а также концепт идентичности, дающие возможность на новом научном уровне, с использованием методов социальной истории, микро и макро-подходов, подойти к осмыслению прошлого, выстроить иерархию значимых событий [Репина, 2016а, с. 13]. Данные подходы позволяют продолжить объяснение поведения людей на разных этапах Гражданской войны, проанализировать осмысление

ими полученного опыта и соотнесения его с текущими обстоятельствами, рассмотреть ответную реакцию человека на изменившиеся условия, тем самым приблизиться к освещению сложного процесса самоидентификации, сопровождающегося распадом прежней и формированием иной идентичности. В статье используются методы междисциплинарного, феноменологического, компаративного анализа.

Одним из первых указал на роль исторической памяти в остром гражданском противостоянии Н. Бердяев. Сегодня актуален его вывод о том, что существенной чертой реальности того времени являлась активность революционного человека, для которого «прошлое не обязательно», так как «каждый молодой человек чувствует себя строителем нового мира» [Бердяев, с. 83; 124]. Неприятие пережитого, по его мнению, явилось залогом неудач большевиков в будущем: «Коммунисты не могут победить ненависть к прошлому, и в этом их главная слабость» [Бердяев, 1955, с. 150]. При этом контрреволюционеров он считал еще менее перспективной силой, так как это «люди, обращенные к прошлому» [Там же, с. 120].

Сегодня, как указывают О. С. Поршнева и М. А. Фельдман, прослеживается методологическая тенденция изучения российской революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны с позиций исторической компаративистики, «вписывания» этих важнейших событий XX века в общеевропейский контекст и рассмотрения их как проявления «военно-революционного кризиса 1914—1922 годов» [Поршнева и др., 2018, с. 9—26], сопровождающегося крахом действующих социальных ориентиров, повлекших за собой изменение идентичности. На данный факт обратили внимание многие историографы, в том числе и за рубежом [Новикова, 2005, с. 145—158]. В этом отношении вызывает интерес исследование А. Ретиш «Российские крестьяне в революции и Гражданской войне: гражданство, идентичность и создание Советского государства (1914—1922)», посвященное проблеме формирования российской идентичности в годы Гражданской войны [Retish, 2008].

В настоящее время история изучается многими учеными не «сверху», не через официальный дискурс, а «снизу» и «изнутри», при этом рядовой человек рассматривается как главное действующее лицо, выстраивающее свое поведение соответственно происходящим событиям [Поршнева, 2017, с. 6]. О. С. Поршнева подчеркивает, что антропологический аспект Гражданской войны активно разрабатывается на основе эгоисточников, которые позволяют рассмотреть повседневные практики взаимоотношений власти и общества с учетом восприятия «маленьким человеком» [Поршнева, 2012, с. 165—177]. Особую ценность в этом отношении имеют письма и воспоминания [Поршнева, 2016, с. 430—433]. О. С. Поршнева и М. А. Фельд-

дман считают, что относительная изученность социально-экономических и военных аспектов противостояния остается оторванной от понимания их социально-эмоционального осмысления. Ученые делают вывод, что результат Гражданской войны зависел от самоопределения населения, и считают необходимым дальнейшее изучение проблем самоидентификации современников событий в условиях, изменивших государство, социально-экономическую ситуацию, повседневную жизнь, персонализацию [Поршнева и др., 2016, с. 35—40].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Исследование военных аспектов проблемы: антропологический подход

В последние годы для исследования военных аспектов Гражданской войны активно используется антропологический подход. Ученые считают важнейшим фактором, определяющим отношение граждан к власти, обеспечение их защищенности государством, поэтому успех на фронте той или иной стороны имел решающее значение для самоопределения населения.

Существенное значение для исследования вопроса имеет привлечение разнообразных по характеру источников, отражающих положение не только на фронтах, но и в тылу, с учетом настроения как военнослужащих, так и гражданских лиц [Поршнева и др., 2017, с. 57—71].

Историки пришли к заключению, что весной 1919 года военный аспект приобрел особый смысл. Это видно на примере прифронтовых территорий, где красные укрепились достаточно основательно. Мобилизация в Красную армию осуществлялась принудительно. Не явившиеся на призывные пункты становились врагами и попадали под суд Революционного трибунала. В. И. Бакулин пишет, что в тыловой жизни настроения населения были противоречивыми, в ней удивительно сочетались элементы анархии и железной дисциплины, мобилизация шла активно, но не без труда. Население постепенно определялось в пользу большевиков. Этот процесс усилился под воздействием продвижения Красной армии [Бакулин, 2006, с. 99—115]. По мере отдаления фронта население стало более взвешенно относиться к сложившейся ситуации, но добровольно участвовать в мероприятиях помощи фронту желающих было мало. Казачеству не удалось добиться сохранения при большевиках своей автономии, поэтому они затягивали с самоопределением, пока не стало понятно, что возвращение белых исключено [Сафонов, 2012, с. 56].

Условия войны обостряли восприятие происходивших событий, способствуя самоопределению, глубокому осмыслению пережитого с учетом личностных интересов. Особенно остро проблема выбора встала весной

1919 года, что во многом зависело от положения на фронте. Многие авторы подчёркивают, что весной — летом 1919 года именно по принципу «близости к миру» шел процесс обретения «потерянной» идентичности. Большинство населения, стремясь к стабильности, поддерживало побеждающую сторону, поэтому наметившееся успешное продвижение Красной армии меняло ситуацию и в тылу. Генеральное наступление Колчака, начатое в марте 1919 года, не увенчалось успехом. К середине апреля советские войска стабилизировали положение на Восточном фронте и вскоре перешли в наступление. Об изменении настроений населения свидетельствовали мартовские восстания мобилизованных в белую армию в 1919 году, их нежелание идти на передовую и рост дезертирства [Борьба..., 1967, с. 279—281]. Историки считают период весны — лета 1919 года переломным этапом Гражданской войны, обусловленным успехами Красной армии на Восточном фронте и смещением общественных настроений в пользу советской власти.

Летом 1919 года выступления против мобилизации в белую армию охватили ряд территорий Зауралья, например Шадринский уезд, хотя ситуация там и не вылилась в вооруженное столкновение. П. Н. Зырянов подчеркивал, что росло число дезертиров, негативные настроения насильно мобилизованных крестьян усилили неустойчивость воинских частей, в результате чего имели место факты перехода некоторых из них к противнику с оружием в руках [Зырянов, 2009, с. 482]. Важным критерием движения деревни к новой идентичности стало растущее противостояние крестьян и властей, причин для которого было множество: мобилизации, усиление налогового пресса, злоупотребления властей, расстрелы, массовые порки, мародерство. Всё чаще конфликты переходили в открытые столкновения между населением и военными, что ярко проявилось в росте партизанского движения.

Политические оппоненты Колчака пытались усилить свое влияние на партизанское движение, носителями идей которого выступали, как правило, дезертиры — бывшие фронтовики. Большевикам удалось завоевать наибольшее влияние в партизанской среде, особенно на Урале. В то же время в некоторых районах Сибири, отмечает Н. С. Ларьков, активно действовали и другие партии: от эсеров и анархистов до меньшевиков [Ларьков, 1991, с. 79]. М. В. Шиловский считает, что зажиточные старожилы не спешили создавать партизанские отряды, зато небогатые переселенцы являлись донорами движения. Это приводило к противостоянию старожилов и новоселов, обостряло политическую ситуацию, сказываясь на ситуации на всем Восточном фронте. Центрами нестабильности и партизанского движения становились переселенческие деревни [Шиловский, 2003, с. 363].

Коммунисты создавали подпольные организации, и прежде всего в больших городах с развитой промышленностью, где их могли поддер-

жать рабочие. На Урале наиболее крупными подпольными организациями РКП(б) были Екатеринбургская и Челябинская. Их организации насчитывали сотни человек. После разгрома подпольная организация Екатеринбурга полностью так и не была восстановлена, но влияние на часть городского населения все же сохранила [Московкин, 2018, с. 205—206].

Летом 1919 года советские войска наступали уже по всему фронту, чему способствовало обострение обстановки в тылу противника. Историки подчеркивают, что общественные настроения разных групп населения свидетельствовали о крахе надежд на мир и стабильность, которые они связывали с белыми, так как при них социально-экономическая и политическая ситуация продолжала ухудшаться, а обещанные изменения не обеспечивались реальными действиями. Неудовлетворенность сложившимся положением проявилась в крестьянском недовольстве, росте стачек на заводах, активизации подрывной работы подпольных антиколчаковских организаций. В июле 1919 года белогвардейцы оставили Урал, военные действия были перенесены в Сибирь. С отходом на восток усиливались негативные тенденции в армии Колчака, обусловленные множеством причин: отсутствием мотивации у солдат, нехваткой вооружений, обмундирования, плохой организацией медицинского дела, недостаточной организационной работой в частях [Фронт..., 2019]. Об этом ярко свидетельствуют не только официальные данные, но и эгодокументы [Письма..., 2014, с. 175, 177]. 14 ноября 1919 года белогвардейцы покинули Омск. Крах колчаковщины стал реальностью.

Война, на фоне милитаризации и раскола российского социума, усилила процессы самоопределения, став средством достижения относительной идентичности, способным обеспечить победу стороне, имеющей четкие цели, понятные и близкие населению. Сторонники Советов пропагандировали установление власти, основанной на идее общности интересов трудового народа, обещаниях рядовым гражданам участия в управлении государством, что стимулировало рост числа их сторонников.

Вместе с тем многочисленные факты свидетельствовали о неослабевающих сомнениях людей относительно своего выбора, усугубляющихся неясностью жизненных перспектив, а также о «спутанной идентичности» не только летом — осенью 1919 года, но и в последующий период Гражданской войны, поэтому говорить о кардинальных изменениях общественных настроений в 1919 году оснований нет.

3.2. Исследователи о влиянии военной повседневности на самоопределение населения

Современные авторы отметили, что война стирала социальные черты идентичности, разрушала ее, превращая личность в человека воюющего. Тем не менее исследователи считают необходимым рассматривать вопрос

о связи между уровнем жизни, с одной стороны, и революционными настроениями, с другой [Миронов, 2014а, с. 101]. Большинство авторов указывает, что понижение уровня жизни населения осложняет общественно-политическую ситуацию, делая гражданский мир более хрупким.

Историки отмечают, что весенний «полет к Волге» Колчака опирался на поддержку значительной части крестьянства. Рабочие оказывали поддержку белым значительно меньше. Главным в отношениях рабочих с владельцами фабрик и заводов был вопрос об увеличении заработной платы в соответствии с ростом цен на продукты первой необходимости. В наиболее тяжелом положении находились рабочие водного и железнодорожного транспорта, на которых, по мнению В. Цветкова, держалась не только экономическая, но и политическая жизнь «белой» Сибири» [Цветков, 2000, с. 143]. Но фабриканты и заводчики, не будучи уверенными в завтрашнем дне, думали прежде всего о личном обогащении, что вело к ухудшению состояния дел в промышленности и снижению уровня жизни населения [Московкин, 2018, с. 204].

Сегодня авторы подошли к пониманию повседневной жизни как важному фактору формирования идентичности. Экономическая разруха, обострение многих бытовых проблем, рост преступности, детской беспризорности, пьянства, проявления девиантного поведения, безработица поставили человека в условия поиска способа выживания и выбора той власти, которая могла бы обеспечить ему должный жизненный комфорт.

И. Нарский пишет об этом периоде как о гуманитарной катастрофе, считая, что жизнь под властью антибольшевистских режимов все больше рассеивала надежды горнозаводского населения Урала на лучшее будущее и оно постепенно созревало «для того, чтобы отчаянно принять любую другую власть» [Нарский, 2001, с. 261]. Белые мародерствовали, забирали у населения последнее, поэтому красных многие ждали, встречали их как освободителей. Но и красные проявляли насилие по отношению к населению, кроме того, при них продолжали сворачиваться производства, рынок, имела место спекуляция, нехватка продовольствия, росла преступность, была разрушена система социальной помощи населению, обострился квартирный вопрос. В городах не хватало школ, больниц, повсюду царили голод и антисанитария. Горожане покидали города, чтобы найти работу и прокормить свои семьи [Нарский, 2001, с. 492]. Люди, подчеркивает автор, были обеспокоены «бестолковостью» и «непредсказуемостью» реальности, но изменить ничего не могли [Нарский, 2001, с. 542].

В среде рабочих после революции, считает В. П. Булдаков, наблюдался мощный самоидентификационный процесс, обусловленный попытками осознать свою роль в происходивших событиях [Булдаков, 2010, с. 169—170].

Положение складывалось неоднозначное как у белых, так и у красных. Ухудшение в годы Гражданской войны положения людей, ожидавших мира и восстановления довоенного уровня жизни, стало фактором, ускорившим процесс самоопределения. Новое поколение, подчеркивает историк, «жаждало самоутверждения в агрессивной форме», что было характерно для людей со «спутанной» идентичностью [Булдаков, 2012, с. 664].

Эгоидентичность на изломе Гражданской войны переживала не менее жесткую трансформацию, чем коллективная идентичность. Менялись, содержание и носители культуры, методы участия в мероприятиях населения: все было подчинено решению политических задач. Людям приходилось делать выбор, отказываться от веры, традиций, формируя новые ценностные и жизненные ориентиры в зависимости от сложившейся ситуации.

Исследователи все чаще рассматривают эгоидентичность в зависимости от конкретного исторического периода, отмечая, что в годы Гражданской войны наблюдался социальный хаос, сопровождающийся чувством безысходности у людей, «утраты самих себя». Л. Репина считает, что для исследования данной области наиболее результативным является деятельностный подход, позволяющий анализировать ценности, верования, представления людей, традиции и их трансформационные изменения, происходящие под воздействием пережитого опыта [Репина, 2016б, с. 83—99].

Очевидно, что без изучения социально-культурных практик и мотиваций человека, объясняющих его поведение, осмыслить итоги Гражданской войны невозможно. В. П. Булдаков считает, что постреволюционный период характеризовался «кризисом ожидания в чудовищно искривлённом социально-историческом пространстве», приведшим к тому, что люди теряли «вкус к жизни» [Булдаков, 2012, с. 76]. Новая культура повседневности появилась на основе искоренения дореволюционной, процесс сопровождался трансформацией традиционных ценностей, шел во взаимосвязи с изменением самосознания, самоопределением, персонализацией, формированием иной эго-идентичности.

Многие исследователи отметили проявление у населения архаизации сознания и тягу к политической символике, объясняя это прежде всего переживаемыми трудностями. И. Нарский пишет, что большевистская власть пыталась «революционизировать и идеализировать даже досуг граждан, используя его для пропаганды и агитации за новую власть» [Нарский, 2001, с. 304]. Повседневная жизнь свидетельствовала об утрате дореволюционной эгоидентичности под влиянием войны. При этом большевики, используя идеологическое и политическое воздействие на повседневную жизнь, добились расположения к себе значительной части населения.

Новая культура повседневности появлялась на основе искоренения до-революционной, процесс сопровождался трансформацией традиционных ценностей, шел во взаимосвязи с изменением самосознания, самоопределением, персонализацией, формированием иной идентичности.

Историки считают, что период весны — лета 1919 года явился переломным этапом Гражданской войны, обусловленным успехами Красной армии на Восточном фронте и смещением общественных настроений в пользу большевиков. Вместе с тем многочисленные факты свидетельствуют о продолжающихся сомнениях людей относительно своего выбора, усугубляющихся неясностью жизненных перспектив, свидетельствуя о «спутанной идентичности» не только летом 1919 года, но и в последующий период Гражданской войны.

3.3. Историки о кризисе идентичности весной–летом 1919 года

Историки обратили внимание на то, что институциональные изменения периода Гражданской войны повлияли на идентичность. Б. Н. Миронов отметил: «Утверждение в обществе новых институтов всегда происходит долго, болезненно и противоречиво» [Миронов, 2014б, с. 214]. При этом нельзя недооценивать, считает автор, возможность самовыражения и самореализации, позволяющих обществу развиваться: «В нем в равной степени должна существовать возможность как для конструктивного, так и, к сожалению, для деструктивного деяния относительно традиции» [Там же, с. 201].

Д. Хоффман высказал мнение о том, что ничего нового в государственном вмешательстве и применении насилия в регулировании общественной жизни большевики не внесли, а отличие советского государства состояло лишь в применении практик, характерных для военного времени, в качестве постоянных методов управления [Hoffmann, 2017, pp. 619—628.]. Он соглашается с Д. Стеэнборном в том, что власть стремилась не столько подчинить людей, сколько добиться их участия в политике жесткими методами, что не могло не менять социум, так как государство хотело знать, что думает народ, и влиять на его мысли и действия [Хоффманн, 2018, с. 311].

Современные ученые установили, что изучение социальных институтов эффективно на основе анализа человеческой деятельности, путем смещения ракурса общественных процессов на опыт конкретных людей, вынесенный из социально-экономической, политической и культурной сфер. Опыт Первой мировой войны и революции подготовил сдвиг в умонастроениях людей в сторону общинных традиций, во многом предопределив выбор большинства населения в пользу большевиков, ратававших за коллективизм, равенство, справедливость. При этом формирование «нового человека» базировалось на моделировании сознания и поведения людей через различные способы его «большевизации» [Поршнева, 2017, с. 11].

Д. Хоффман обратил внимание на то, что русская революция показала всему миру: продолжение военных действий и само выживание политических режимов зависит от состояния умов народа [Хоффманн, 2018, с. 250]. Дж. Санборн считал, что большевикам удалось быстро создать армию, восстановить государственные институты [Санборн, 2018, с. 221—224], кроме того, они боролись на расположение граждан, используя политические лозунги, например лозунг «право наций на самоопределение» [Санборн, 2017, с. 43—48], и это способствовало их успеху. В. П. Булдаков отмечает, что ленинцы постоянно показывали свою убежденность в необходимости создания советской власти, которая является не только «марксистской», «пролетарской», но и «народной», при этом индивидуальные проявления отношения к складывающейся реальности нивелировались требованием большевистского общественного единения [Булдаков, 2012, с. 15].

Наметившееся расположение населения большевики поддерживали пропагандой и агитацией. Историки отмечают, что обвинения белогвардейцев в измене Родине и других преступлениях оказали существенное влияние на умонастроения людей по обе стороны фронта. Большевики, стараясь «достучаться» до каждого человека, в огромном количестве выпускали и распространяли листовки, газеты и другие печатные издания не только в городах и селах Советской России, но и за линией фронта, в обращениях они говорили о равенстве, справедливости, победе рабочих и крестьян, строительстве нового государства, отвечающего интересам всего народа.

Колчаковцы, считают исследователи, предлагали населению и армии идеологию возврата к старому на основе единения, православия и непредрешения, надеясь на ее основе одержать верх над коммунистической идеологией. Свои планы белые не подкрепляли финансированием и организацией конкретной работы, кроме того, в рядах белогвардейцев не было единства [Домовитова, 2014, с. 44—48]. В противовес белым большевики демонстрировали стойкое единодушие, что предопределяло их уверенность в победе. Разные ценности, насаждаемые участниками противоборствующих сторон, приводили к конфликтам, выходом из которых были конформность, складывающаяся под влиянием сложившихся обстоятельств, ставшая в итоге базой единой социальной идентичности, исключающей иные возможности идентификации [Трифонов, 2015, с. 300].

Современные исследователи считают, что неопределенность идеологических посылов «белых», политика «непредрешенчества», неясность перспектив движения в итоге предопределили их кризис и провал. В отличие от них большевики имели четкие идеологические установки, они строили государственный аппарат в форме диктатуры пролетариата, спо-

собный поддерживать эти убеждения и утверждать в общественной среде надежды на светлое будущее.

Существенную роль в самоопределении населения играли идейные вдохновители движения. К весне 1919 года население Урала, прочувствовав на себе власть Колчака, разочаровалось в белых [Поршнева, 2019, с. 245]. В разгар весенне-летних боёв 1919 года Колчак продолжал терять симпатии сограждан, так как у простых людей не было возможности выразить озабоченность ухудшением социально-экономической ситуации, найти у диктатора ответ на многие насущные вопросы. В результате большая часть населения на данном этапе противостояния приняла решение примкнуть к сторонникам Ленина, это решение не было окончательным, но предопределило характер будущей государственности на многие годы [Скипина и др., 2020, с. 452—465]. М. А. Фельдман отмечает, что в итоге победа досталась той стороне, которая использовала опыт милитаризации экономики, полученный в годы Первой мировой войны. Милитаризационный фон, по его мнению, стал идеологической основой новой идентичности [Фельдман, 2012, с. 189—190].

Таким образом, весенне-летние бои 1919 года на Восточном фронте не только свидетельствовали о кризисе коллективной идентичности, но и подвели каждого человека, в условиях жесткого противостояния борющихся сторон, к мысли о необходимости решения вопроса о самоопределении.

3.4. Дискуссии о самоопределении российского крестьянства

Современные исследователи большое внимание уделяют проблеме крестьянского самоопределения, так как население деревни составляло более 80 % населения страны и играло определяющую роль в рассматриваемых событиях. Сегодня авторы отошли от объяснения поведения крестьянства в годы Гражданской войны исключительно его материальным положением. Б. Миронов подчеркивает, что крестьянство вплоть до революции 1917 года оставалось в имущественном и социальном отношении довольно однородной массой и имело лишь зачатки буржуазного расслоения [Миронов, 2014а, с. 124].

Если советские исследователи объясняли позицию крестьянства в годы Гражданской войны главным образом военными и экономическими причинами, а также их социальным статусом, то в современных исследованиях авторы все чаще поднимают вопрос о сложном и неоднозначном процессе самоидентификации деревни, зависящем от целого комплекса причин. Ученые указали на важность данного вопроса, так как «колебания крестьянства» меняли соотношение сил между красными и белыми: верх брала та сторона, которую поддерживала в данный момент деревня [Данилин и др., 2000, с. 98]. Ряд авторов считает переменчивое поведение

крестьян проявлением самоопределения в сложных условиях Гражданской войны, постепенного осознания происходившего на основе пережитого опыта и принятия той политики, которая приносила им больше пользы, чем вреда [Ретиш, 2019, с. 129—135].

Противостояние, указывает И. Нарский, привело к насильственному втягиванию крестьянства в Гражданскую войну, к архаизации деревни, отбросив ее развитие на десятилетия, если не на века. По его мнению, «деревня отнюдь не металась между “красными” и “белыми”, сопоставляя и выбирая наиболее приемлемую для себя власть, а словно бы угрюмо замыкалась в себе, упрямо пытаясь свести к минимуму пагубное вмешательство и тех, и других» [Нарский, 2001, с. 262]. Слухи о победах «красных» весной 1919 года, по его мнению, порождали у крестьян Урала противоречивые чувства и даже панику: часть поддерживала белых, другие ждали красных.

В период подготовки к решающему наступлению Колчака неудовлетворенность крестьян военной диктатурой нарастала и весной 1919 года вылилась в открытое сопротивление. П. Н. Зырянов подчеркивал, что росло число дезертиров, негативные настроения насильно мобилизованных крестьян усилили неустойчивость воинских частей, имели место факты перехода некоторых из них к противнику [Зырянов, 2009, с. 482]. Важным критерием движения деревни к новой идентичности стало растущее недовольство тяготами войны, причин для которого было множество: мобилизации, мародерство, массовые порки, расстрелы. Всё чаще конфликты переходили в столкновения, что ярко проявилось в росте партизанского движения.

Под воздействием успехов Красной армии Крестьяне почувствовали приближение окончания войны. В. Булдаков считает, что Гражданская война остро поставила вопрос о самоопределении в крестьянской среде: после уничтожения вертикали производства — изъятие прибавочного продукта (тождественного культурному коду власти-подчинения) крестьяне, то есть основная масса подданных империи, ощутили себя в «плоском» (квазиобщинном) социокультурном пространстве. Это вызывало психологическую потребность к восстановлению иерархичной осмысленности существования снизу. Но, с другой стороны, это же оставляло власти свободу в навязывании сверху удобных ей форм и символов подчинения [Булдаков, 2010, с. 679].

Сегодня ученые активно обращаются к политическим сводкам о настроениях населения и эгодокументам, свидетельствующим о неоднозначной оценке современниками происходившего, зависящей от разных причин: начиная от социально-политической ситуации и до специфики индивидуального положения опрашиваемого. Позиция деревни становилась все более мотивированной, формировалось осмысленное недоверие к военной диктатуре, что подкреплялось неудачами белых на фронте.

Диктатура Колчака, отмечают историки, привела к вседозволенности военных в тылу. Террор белогвардейцев значительно усилился, карательные отряды расправлялись со всеми недовольными. Военные вмешивались в гражданское управление, не считаясь с местными властями. Преследования по доносам, аресты, порки, расправы с арестованными без суда и следствия стали обыденным явлением. Это не могло не сказаться на падении авторитета колчаковской власти, росте недовольства как в городе, так и в деревне.

Решающий период гражданской войны стал временем глубоких раздумий российского крестьянства. Крестьянстве, как отметили многие авторы, стали менее сдержаны в неодобрительных оценках деятельности правительства А. Колчака. К осени 1919 года крестьяне изменили свое отношение к белым в негативную сторону, что объясняется политикой диктатора, не отвечавшей интересам большинства населения.

Следует признать, что историки так и не пришли к однозначной характеристике социального поведения крестьянства в рассматриваемый период. Крестьяне, почувствовав всю тяжесть обеих диктатур, так и не решивших основные проблемы деревни, продолжали переживать сложный процесс самоидентификации, в основе которого было стремление к миру и доверие к той стороне, которая могла этот мир обеспечить в данный момент. При этом необходимо исходить из того, что процесс самоидентификации является непрерывным и во многом зависит от внешней среды, которая в период войны менялась очень быстро.

4. Заключение = Conclusions

Противоборство белых и красных на Восточном фронте завершилось поражением колчаковцев, предопределив исход Гражданской войны в России. После удачной для Колчака «Пермской операции» в конце 1918 года диктатор главной своей задачей продолжал считать решение военных проблем, упустив урегулирование социально-экономических и политических вопросов. Неумение и нежелание работать с людьми — одна из важнейших причин поражения белых и победы красных, уделявших большое внимание индивидуальной политической работе в армии и в тылу по обе стороны фронта.

Историческая память, как подчеркивают современные авторы, имела определяющее значение в самоидентификации населения в годы Гражданской войны. Значительную роль сыграла новая пролетарская идеология, отвергавшая возврат к старому миру, а также большевистские обещания счастливого будущего для каждого человека на основе равноправия и создания условий для саморазвития.

Важно учитывать, что процесс идентификации динамичен, человек откликается на самые незначительные изменения своего положения, поэтому поддержка населением Красной армии на решающем этапе Гражданской войны стала демонстрацией адаптации граждан к новым идеям, выдвинутым Советами, и победе большевиков в войне. Однако затягивание реализации обещанного привели к тому, что уже к концу 1920 — началу 1921 годов настроения людей стали заметно меняться в сторону негативного отношения к власти большевиков, что ярко проявилось в крестьянских восстаниях 1921 года. Но изменить траекторию формирования советской идентичности уже не удалось, будущее страны продолжало строиться на успехах большевиков, достигнутых в ходе решающих побед в Гражданской войне. Последствия войны оказали воздействие на последующие поколения людей. Такое положение не было случайным, так как в период кризиса идентичности популярными часто становятся тоталитарные доктрины и догмы.

В настоящее время историки все чаще определяют идентичность через ее конкретные проявления и дополнения, путем анализа рефлексий человека, его участия в политической жизни страны, а не через принадлежность к классам или общественным объединениям. По их мнению, идентификационные процессы, заданные глобальными трансформациями, идут постоянно, охватывают огромные массы людей и надолго остаются в исторической памяти народа.

Источники и принятые сокращения

1. *Борьба за власть Советов в Tobольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.)* : сборник документов и материалов. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1967. — 430 с.
2. *Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 — ноябрь 1919 г.)* : сборник документов. — Новосибирск : Параллель, 2014. — 270 с. — ISBN 978-5-98901-164-3.
3. *Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 — март 1920 г.)* : сборник документов / составитель М. И. Вебер. — Екатеринбург : УрО РАН, 2019. — 272 с. — ISBN 978-5-7691-2529-4.

Литература

1. *Бакулин В. И.* Организация тыла в прифронтовой полосе : Вятская губерния зимой — летом 1919 г. Листая истории страницы : Вятский край и вся Россия в XX веке : сборник научных статей / В. И. Бакулин. — Киров : Издательство ВятГГУ, 2006. — С. 99—115. — ISBN 978-5-93825-532-6.
2. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма / Н. Бердяев. — Париж : УМКА ПРЕСС, 1955. — 160 с.
3. *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 967 с. — ISBN 978-5-8243-1263-8.

4. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920—1930 гг. / В. П. Булдаков. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 759 с. — ISBN 978-5-8243-1720.
5. Данилин А. Б. Гражданская война в России (1917—1922) / А. Б. Данилин, Е. Н. Евсеева, С. В. Карпенко // Новый исторический вестник. — 2000. — № 1 (1). — С. 98—167.
6. Домовитова П. Я. Проблема «двоевластия» на Урале в условиях режима А. В. Колчака (декабрь 1918 — апрель 1919) / П. Я. Домовитова // Вестник Пермского университета. История. — 2014. — № 2. — С. 42—50.
7. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России / П. Н. Зырянов. — Москва : Молодая гвардия, 2009. — 635 с. — ISBN 978-5-235-03150-0.
8. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. — Москва : РАН, 2018. — 508 с. — ISBN 978-5-907036-24-6.
9. Ларьков Н. С. Повстанческо-партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны (новые подходы) / Н. С. Ларьков // История Советской России : новые — идеи, суждения. — Тюмень : Издательство Тюменского университета, 1991. — С. 77—79.
10. Миронов Б. Н. Какая дорога ведет к революции? имущественное неравенство в России за три столетия / Б. Н. Миронов // Социологические исследования. — 2014а. — № 11. — С. 121—129.
11. Миронов Б. Н. Страсти по революции : нравы в российской историографии в век информации / Б. Н. Миронов. — Москва: Весь Мир, 2014б. — 335 с. — ISBN 978-5-7777-0551-8.
12. Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917—1921 гг.) / В. В. Московкин. — Тюмень : Тюменский государственный университет, 2018. — 291 с. — ISBN 978-5-400-01222-8.
13. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе Будни населения Урала в 1917—1922 гг. / И. В. Нарский. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2001. — 613 с. — ISBN 5-8243-0280-4.
14. Новикова Л. Г. Гражданская война в России в современной западной историографии / Л. Г. Новикова // Отечественная история. — 2005. — № 6. — С. 142—158.
15. Поршнева О. С. Источники изучения проблемы взаимоотношений власти и рабочих Урала в условиях Гражданской войны / О. С. Поршнева, М. А. Фельдман // Вестник архивиста. — 2017. — № 2. — С. 57—71.
16. Поршнева О. С. Концептуально-теоретические подходы к изучению проблем взаимоотношений власти и рабочих Урала в годы Гражданской войны / О. С. Поршнева // Вопросы всеобщей истории. — 2012. — № 4. — С. 165—177.
17. Поршнева О. С. Новый человек как компонент революционного советского проекта : ключевые проблемы изучения в современной историографии / О. С. Поршнева // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сборник научных трудов / гл. редактор Л. Н. Мазур. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. — С. 6—18. — ISBN 978-5-7996-2273-2.
18. Поршнева О. С. Образ «священной борьбы» в воспоминаниях рабочих и большевиков — участников Гражданской войны на Урале / О. С. Поршнева // Документ. Архив. История. Современность : Материалы VI Международной научно-практической конференции. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016. — С. 429—433.
19. Поршнева О. С. Осмысление российской Гражданской войны в контексте двух юбилейных дат / О. С. Поршнева, М. А. Фельдман // Известия Уральского федерального

университета. Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 20. — № 3 (178). — С. 9—26. — DOI: 10.15826/izv2.2018.20.3.042.

20. *Поршнева О. С.* Особенности русской революции и Гражданской войны на Урале : социально-политический аспект / О. С. Поршнева, М. А. Фельдман // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», 2019. — С. 238—248. — ISBN 978-5-7629-2545-7.

21. *Поршнева О. С.* Уральская историография Гражданской войны между прошлым и будущим : некоторые итоги постсоветского периода / О. С. Поршнева, М. А. Фельдман // Гражданская война в России (1917—1922) : историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения / гл. ред. Д. А. Алисов. — Москва : Институт Наследия, 2016. — С. 35—41. — ISBN 978-5-86443-205-1.

22. *Репина Л. П.* Историческая память и национальная идентичность подходы и методы исследования / Л. П. Репина // Диалог со временем. — 2016а. — Выпуск 54. — С. 9—15.

23. *Репина Л. П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти / Л. П. Репина // Новое прошлое. — 2016б. — № 1. — С. 83—99.

24. *Ретиш А. Б.* Крестьяне России в годы революции и Гражданской войны : гражданство, идентичность и создание советского государства / А. Б. Ретиш // Революция и Гражданская война в России : Современная историография : Сборник статей, обзоров и рефератов. — Москва : РАН, ИНИОН, 2018. — С. 129—135. — ISBN 978-5-248-00903-9.

25. *Санборн Д. А.* Генезис русского вождизма : власть и насилие во время первой мировой и Гражданской войн (Реферат) / Д. А. Санборн // Труды по русистике. — Москва : РАН ИНИОН, 2018. — Выпуск 7. — С. 221—224. — ISBN 978-5-248-00906-0.

26. *Санборн Д. А.* Грандиозный апокалипсис : великая война и гибель Российской империи (Реферат) / Д. А. Санборн // Революции 1917 года в России : Современная историография : Реферативный сборник. — Москва : РАН, ИНИОН, 2017. — С. 43—49. — ISBN 978-5-248-00858-2.

27. *Сафонов Д. А.* Оренбургское казачье войско в годы Гражданской войны : тенденции формирования казачьей автономии / Д. А. Сафонов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 16 (270). — С. 52—57.

28. *Скипина И. В.* Феномен «Пермской катастрофы» 1918 года в оценке современных исследователей Гражданской войны в России / И. В. Скипина, В. В. Московкин // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 451—468. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-451-468.

29. *Трифорова В. В.* Конфликты идентичностей в социально-политическом дискурсе Гражданской войны / В. В. Трифорова // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». — 2015. — Т. 6. — № 4. — С. 298—302.

30. *Фельдман М. А.* Причины поражения белого движения в Гражданской войне на Урале в контексте взаимоотношений власти и рабочих (проблемы — историографии) / М. А. Фельдман // Вопросы всеобщей истории. — 2012. — № 14. — С. 177—191.

31. *Хоффманн Д. Л.* Взрачивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914—1939 / Д. Л. Хоффманн. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 424 с. — ISBN 978-5-4448-0730-9.

32. *Цветков В.* «Экономическое чудо» по Колчаку / В. Цветков // Родина. — 2000. — № 5. — С. 142—145.

33. *Шиловский М. В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. / М. В. Шиловский. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. — 428 с. — ISBN 5-87550-150-2.

34. Эриксон Э. Кризис идентичности в автобиографической перспективе / Э. Эрик-сон // *Личность. культура. общество*. — 2008. — № 1 (40). — С. 73—89.

35. Hoffmann D. L. The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context / D. L. Hoffmann // *Slavic Review*. — Fall 2017. — Vol. 76. — Iss. 3. — Pp. 619—628. — DOI: <https://doi.org/10.1017/slr.2017.169>.

36. Retish A. B. Russia's Peasants in Revolution and Civil War : Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State (1914—1922) / A. B. Retish. — New York : Cambridge University Press, 2008. — 295 p. — ISBN 978-0-521-89689-4.

Material resources

Letters to the authorities in the era of revolution and Civil War (March 1917 — November 1919): Collection of documents. (2014). Novosibirsk: Parallel. 270 p. ISBN 978-5-98901-164-3. (In Russ.).

The front and rear of the Kolchak army in intelligence and counterintelligence documents (June 1919 — March 1920). Collection of documents. (2019). Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 272 p. ISBN 978-5-7691-2529-4. (In Russ.).

The struggle for the power of the Soviets in the Tobolsk (Tyumen) province (1917—1920): A collection of documents and materials. (1967). Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 430 p. (In Russ.).

References

Bakulin, V. I. (2006). *Organization of the rear in the front line: Vyatka province in winter — summer 1919. Flipping through the history pages: Vyatka Krai and the whole of Russia in the XX century: a collection of scientific articles*. Kirov: Vyatggu Publishing House. 99—115. ISBN 978-5-93825-532-6. (In Russ.).

Berdyayev, N. (1955). *The Origins and Meaning of Russian Communism*. Paris: UMSA PRESS. 160 p. (In Russ.).

Buldakov, V. P. (2010). *Krasnaya smuta. The nature and consequences of revolutionary violence*. Moscow: ROSSPEN. 967 p. ISBN 978-5-8243-1263-8. (In Russ.).

Buldakov, V. P. (2012). Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of the post-revolutionary time. Russia, 1920—1930. Moscow: ROSSPEN. 759 p. ISBN 978-5-8243-1720. (In Russ.).

Danilin, A. B., Evseeva, E. N., Karpenko, S. V. (2000). Civil War in Russia (1917—1922). *New Historical Bulletin*, 1 (1): 98—167. (In Russ.).

Domovitova, P. Ya. (2014). The problem of “dual power” in the Urals under the regime of A. V. Kolchak (December 1918 — April 1919). *Bulletin of Perm University. History*, 2: 42—50. (In Russ.).

Erikson, E. (2008). Identity crisis in an autobiographical perspective. *Personality. culture. Society*, 1 (40): 73—89. (In Russ.).

Feldman, M. A. (2012). The reasons for the defeat of the white movement in the Civil War in the Urals in the context of the relationship between power and workers (problems of historiography). *Questions of universal history*, 14: 177—191. (In Russ.).

Historical memory and Russian identity. (2018). Moscow: RAS. 508 p. ISBN 978-5-907036-24-6. (In Russ.).

Hoffmann, D. L. (2018). *The cultivation of the masses. The modern state and Soviet Socialism. 1914—1939*. Moscow: New Literary Review. 424 p. ISBN 978-5-4448-0730-9. (In Russ.).

- Hoffmann, D. L. (2017). The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context. *Slavic Review*, 76 (3): 619—628. DOI: <https://doi.org/10.1017/slr.2017.169>.
- Larkov, N. S. (1991). The insurgent-partisan movement in Siberia during the Civil War (new approaches). In: *History of Soviet Russia: new — ideas, judgments*. Tyumen: Tyumen University Press. 77—79. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2014). *Passions for Revolution: mores in Russian historiography in the age of information*. Moscow: The Whole World. 335 p. ISBN 978-5-7777-0551-8. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2014). Which road leads to revolution? property inequality in Russia for three centuries. *Sociological research*, 11: 121—129. (In Russ.).
- Moskovkin, V. V. (2018). *The confrontation of political forces in the Urals and Western Siberia during the Revolution and Civil War (1917—1921)*. Tyumen: Tyumen State University. 291 p. ISBN 978-5-400-01222-8. (In Russ.).
- Narsky, I. V. (2001). *Life in a catastrophe Everyday life of the population of the Urals in 1917—1922*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 613 p. ISBN 5-8243-0280-4. (In Russ.).
- Novikova, L. G. (2005). Civil war in Russia in modern Western historiography. *Domestic history*, 6: 142—158. (In Russ.).
- Porshneva, O. S., Feldman, M. A. (2018). Comprehension of the Russian Civil War in the context of two anniversaries. *Bulletin Ural Federal University. Humanities*, 20 / 3 (178): 9—26. DOI: 10.15826/izv2.2018.20.3.042. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2012). Conceptual and theoretical approaches to the study of the problems of the relationship between the authorities and the workers of the Urals during the Civil War. *Questions of universal history*, 4: 165—177. (In Russ.).
- Porshneva, O. S., Feldman, M. A. (2019). Features of the Russian Revolution and the Civil War in the Urals: socio-political aspect. In: *Russia in the era of revolutions and reforms. Problems of history and historiography*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Electrotechnical University “LETI”. 238—248. ISBN 978-5-7629-2545-7. (In Russ.).
- Porshneva, O. S., Feldman, M. A. (2017). Sources of studying the problem of the relationship between the authorities and the workers of the Urals in the conditions of the Civil War. *Archivist's Bulletin*, 2: 57—71. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2016). The image of the “sacred struggle” in the memoirs of workers and Bolsheviks — participants of the Civil War in the Urals. In: *Document. Archive. History. Modernity: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 429—433. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2017). The New Man as a component of the revolutionary Soviet project: key problems of study in modern historiography. In: *The Epoch of Socialist Reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations: a collection of scientific works*. Yekaterinburg: Ural University Press. 6—18. ISBN 978-5-7996-2273-2. (In Russ.).
- Porshneva, O. S., Feldman, M. A. (2016). Ural historiography of the Civil War between the past and the future: some results of the post-Soviet period. In: *The Civil War in Russia (1917—1922): historical memory and problems of memorialization of the “red” and “white” movement*. Moscow: Heritage Institute. 35—41. ISBN 978-5-86443-205-1. (In Russ.).

- Repina, L. P. (2016a). Historical memory and national identity approaches and research methods. In: *Dialogue with time*, 54: 9—15. (In Russ.).
- Repina, L. P. (2016b). Events and images of the past in historical and cultural memory. *New Past*, 1: 83—99. (In Russ.).
- Retish, A. B. (2018). Peasants of Russia during the Revolution and Civil War: citizenship, identity and the creation of the Soviet state. In: *Revolution and Civil War in Russia: Modern Historiography: A collection of articles, reviews and abstracts*. Moscow: RAS, INION. 129—135. ISBN 978-5-248-00903-9. (In Russ.).
- Retish, A. B. (2008). *Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State (1914—1922)*. New York: Cambridge University Press. 295 p. ISBN 978-0-521-89689-4.
- Safonov, D. A. (2012). Orenburg Cossack army during the Civil War: trends in the formation of Cossack autonomy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 16 (270): 52—57. (In Russ.).
- Sanborn, D. A. (2018). Genesis of Russian chiefdom: power and violence during the First World and Civil Wars (Abstract). In: *Proceedings on Russian studies*, 7. Moscow: RAS INION. 221—224. ISBN 978-5-248-00906-0. (In Russ.).
- Sanborn, D. A. (2017). Grand Apocalypse: the Great War and the Death of the Russian Empire (Abstract). In: *Revolutions of 917 in Russia: Modern Historiography: Abstract Collection*. Moscow: RAS, INION. 43—49. ISBN 978-5-248-00858-2. (In Russ.).
- Shilovsky, M. V. (2003). *Political processes in Siberia during the social cataclysms of 1917—1920*. Novosibirsk: Siberian Chronograph. 428 p. ISBN 5-87550-150-2. (In Russ.).
- Skipina, I. V., Moskovkin, V. V. (2020). The Phenomenon of “The Perm disaster” of 1918 in the Assessment of Modern Researchers of the Civil War in Russia. *Nauchnyi dialog*, 1: 451—468. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-451-468. (In Russ.).
- Trifonova, V. V. (2015). Identity conflicts in the socio-political discourse of the Civil War. *News of universities. The series “Humanities”*, 6 (4): 298—302. (In Russ.).
- Tsvetkov, V. (2000). “Economic miracle” by Kolchak. *Rodina*, 5: 142—145. (In Russ.).
- Zyryanov, P. N. (2009). *Admiral Kolchak, Supreme Ruler of Russia*. Moscow: Molodaya gvardiya. 635 p. ISBN 978-5-235-03150-0. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.12.2022,
одобрена после рецензирования 28.12.2022,
подготовлена к публикации 31.01.2023.